

А. С. Туманова*
Г. Т. Богатырев**

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1917–1929 гг.***

Реформы советского правительства традиционно рассматриваются в науке как радикальный социальный эксперимент. Однако предлагаемые советской властью содержание и способы преобразований общества не были уникальными. Советский модернизационный проект в ряде сфер являлся продолжением имперской модернизации. Сходство с дореволюционным этапом было наиболее заметным в тех областях, где государство до революции не играло активной роли: в гражданских правоотношениях, социальном обеспечении, а также юридической политике по отношению к публичной сфере. Так, в сфере гражданского права в 1920-е гг. осуществлялись поиски баланса между усилением государственного вмешательства и активизацией частной инициативы. Инструментом для достижения этого баланса стало широкое использование отечественного правового наследия и новейших европейских юридических доктрин. Во многом благодаря государственному вмешательству в советской России была создана прогрессивная система пенсионного обеспечения, здравоохранения, охраны материнства и детства и др. Социальное обеспечение стало одной из ключевых функций государства. Произошел возврат к разрешительному режиму создания добровольных обществ, действовавшему до 1906 г. Относительная свобода и самостоятельность добровольных обществ после Октябрьской революции 1917 г. сменилась растущей регламентацией всех сторон их жизни и стремлением максимально привлечь их к выполнению планов социалистического строительства. Перечисленные реформы имели неоднозначные результаты. Сужалась сфера рыночных отношений, ставились препятствия развитию частной инициативы и общественной самоорганизации; однако были предприняты заметные усилия для создания развитой

* Туманова Анастасия Сергеевна – профессор департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-3469-7144, e-mail: atumanova@hse.ru.

** Богатырев Георгий Тимурович – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», консультант отдела регулирования системы кредитной информации в Банке России (Москва), ORCID: 0000-0003-2553-3092, e-mail: gtbogatyrev@gmail.com.

*** Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

социальной сферы. Общим знаменателем реформ стало стремление к материальному прогрессу на основании усиления государственного вмешательства в частную и публичную сферы, а также потребность опираться на традиционные социальные институты.

Ключевые слова: советская социальная модернизация, юридические механизмы, гражданское право, социальное обеспечение, добровольные организации

Для цитирования: Туманова А. С., Богатырев Г. Т. Преемственность юридических механизмов модернизации общественных институтов советской России 1917–1929 гг. // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 151–165. DOI: 10.34076/20713797_2022_3_151.

Предпосылки социальной модернизации в Советском государстве

Советскую Россию почти сразу после ее возникновения начали изображать как беспрецедентный по масштабу социальный эксперимент. Ученые и публицисты всего мира следили за тем, как в отдельно взятом государстве претворяются в жизнь постулаты коммунистической теории К. Маркса. Будучи радикальным прогрессистским проектом, эта теория потребовала от России 1917 г. кардинальных преобразований экономики, политики, общества и права.

Вместе с тем советский модернизационный проект был в определенных аспектах продолжением имперской модернизации и опирался на ее достижения. В советской России использовался потенциал, накопленный в ходе имперской модернизации: промышленность, железные дороги, образованные кадры, университеты и др., а также осуществлялись не реализованные ранее проекты. Так, проводившаяся с середины 1920-х гг. индустриализация продолжала многие идеи и замыслы имперской индустриализации, выражавшейся, в частности, в «новом курсе», предложенном весной 1914 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеинным. Его составляли инфраструктурные проекты по развитию сети железных дорог, масштабные планы строительства гидроэлектростанций и электроэнергетических объектов и др. Кампанию по борьбе с неграмотностью 1920-х гг. следует считать логическим продолжением замысла правительства П. А. Столыпина по введению всеобщего обязательного начального образования¹.

Советская модернизация заимствовала у имперской определенные черты. Прежде всего это приоритет государства над обществом и усиление государственного вмешательства в экономику, социальную и культурную жизнь. Между тем у нее имелись и особенности, отличавшие советскую модель от классического модернизационного проекта. Формула советской модернизации, в трактовке Б. Н. Миронова, состояла в технологическом и материальном прогрессе на основе традиционных социальных институтов. Ее атрибутами являлись ограничение свободы индивидуума и примат коллектива над личностью; централизация и планирование с включением в плановые показатели социальных институтов; ограничение права собственности и рыночных отношений².

¹ *Миронов Б. Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 22–24. О «новом курсе» см. также: *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988; *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеины / ред. А. Ю. Арьев. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. С. 177–180.

² *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 25.

В центре внимания авторов данной статьи – юридические механизмы модернизации ряда ключевых общественных институтов в советский период, ее типологические черты и особенности. В статье будет обоснован тезис о том, что усиление государственного вмешательства в частноправовую сферу, в частную и публичную жизнь советских граждан было отражением тренда на усиление патерналистских подходов в обществе, а также приоритета идеологии коллективизма над свободой личности.

Идея государственного вмешательства во имя организации лучшей жизни возникла в среде немецких камералистов еще в середине XVII в., когда экономически и социально отсталая Пруссия потерпела поражение в Тридцатилетней войне. Последовавший за этим кризис заставил ученых задуматься о связи военной и экономической мощи и выступить с предложениями о накоплении финансовых ресурсов и контроле за их расходованием, создании дорог и мануфактур, повышении производительности труда. Главным архитектором этих процессов было государство. Оно же служило источником средств, направлявшихся на увеличение общественного потенциала. Возникла концепция долга правителя перед обществом, выражавшегося в обеспечении и защите жизни его подданных¹.

Более широкое распространение идея государственного вмешательства приобрела уже в XVIII столетии – сначала как часть проекта Просвещения и теории «регулярного государства», а затем как достижение Великой французской революции. Атеистическая по своей природе, революция начала заполнять мировоззренческий вакуум достижениями философии и медицины, экономики и социологии. На смену единой политической воле суверена пришли абстрактные рациональные представления об идеальном мире, который человечество дерзнуло строить самостоятельно.

Следующий виток эволюции камерализма пришелся на период развития естественных наук во второй половине XIX в., когда на смену универсальным представлениям о нетождественности сущего и должного пришел позитивизм и основанные на нем научные дисциплины. Научные открытия подталкивали интеллектуалов к отождествлению естественных и социальных законов: общественное понималось как часть биологического, математического и механического знания. По мере развития промышленности в Европе разрушался традиционный уклад жизни, что приводило к социальным потрясениям и чувству отчуждения². На этом фоне государственные модернизационные проекты все чаще ставили своей целью построение нового гармоничного общества на рациональных началах.

В России с конца XIX в. идея рациональной трансформации социума становится мейнстримом. Критиковавшие неэффективный царский режим российские интеллектуалы начали считать ее неотложной потребностью. Они говорили об установлении нового конституционного порядка, позволявшего активно продвигаться к современному обществу и государству³.

Отрицание старого порядка соединялось в дискурсе современного общества с представлениями о сильном и эффективном государстве. Лидеры образовавшие

¹ Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самар. ун-т, 2000. С. 50–52.

² Об отчуждении как философской категории писал еще К. Маркс: *Маркс К.* Экономические-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академ. проект, 2010. С. 303–358.

³ Хоффман Д. Л. Возвращение масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. с англ. А. Терешенко. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 11.

гося в октябре 1917 г. правительства большевиков не были здесь оригинальны. Размышляя на первом этапе советского строительства в духе идеологии государства-коммуны (выражавшейся в коммунистических идеях упразднения государства, обобществления собственности и уравнительного распределения имущества¹), создатели коммунистического общества считали необходимым расширять государственное вмешательство во всех сферах юридического быта. Между тем государственное вторжение в экономику и социальную жизнь заметно усилилось уже с началом Первой мировой войны.

Отдельные аспекты государственного вмешательства в общественную жизнь и мобилизации государством общества ради целей тотальной войны рассматривал американский русист П. Холквист. Он указывал, что в России, как и в других странах Европы, образованная публика и профессиональные организации после 1914 г. активно содействовали мобилизации общества под эгидой государства и достигли существенных результатов². Данная политика получила развитие и в РСФСР³.

Проблема взаимосвязи теории и практики советского строительства не раз поднималась в научной литературе. Философско-правовое исследование советских доктрин права представлено в «Философии права» В. С. Нерсесянца⁴, который рассматривает их как частные случаи антиправа. Связи камерализма и социальной политики в СССР, а также сравнению советского и европейского опыта посвящена монография Д. Хоффмана о «вращивании масс» как идеологии советского современного государства⁵. Хоффман трактует историю Советского государства в контексте идей и практик, свойственных многим государствам периода модерна, увлеченных идеей трансформации общества, и призывает не списывать все аспекты советского вмешательства в жизнь общества на счет идеологии социализма. Необходимо указать также на монографию А. Н. Медушевского, посвященную осмыслению коммунистического эксперимента в России с позиций взаимосвязи его правовых оснований, политических институтов и форм массовой мобилизации⁶. Авторы настоящей статьи, характеризуя юридические механизмы социальной модернизации в советской России, оперируют термином «юридическая политика», введенным в научный оборот С. В. Коданом применительно к политике Российского государства первой половины XIX в.⁷

Исповедуемая на этапе становления Советского государства концепция государства-коммуны предполагала отмирание государственных и правовых институтов. Некоторые сведения о судьбе права при коммунизме можно почерпнуть из марксовской критики гегелевской философии права. На эмпирическом материале

¹ О государстве-коммуне подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 175.

² *Holquist P.* «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. № 1. P. 151–179. DOI: 10.1017/S0037677900016739; *Холквист П.* Общество против государства, общество, сплачивающее государство: Образованное общество и государственная власть в России в 1914–1921 гг. // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. Вып. 11: Смена парадигмы: современная русистика. СПб.: Нестор-История, 2007.

³ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge; L.: Harvard University Press, 2002.

⁴ *Нерсесянц В. С.* Философия права: учеб. М.: Инфра-М : Норма, 1997.

⁵ *Хоффман Д. Л.* Указ. соч.

⁶ *Медушевский А. Н.* Указ. соч.

⁷ *Кодан С. В.* Юридическая политика Российского государства: 1800–1850-е гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

современной ему Пруссии Маркс замечал, что инструментом эксплуатации человека человеком является, во-первых, право собственности на наиболее важные блага, а во-вторых, государство и право как механизмы обеспечения этой собственности. Преодоление эксплуатации должно было автоматически повлечь за собой упразднение института собственности¹.

При коммунизме право, как утверждали теоретики марксизма, неизбежно отомрет ввиду отсутствия эксплуатации, но как именно это случится – вопрос открытый. Поиску ответа на него в контексте коммунистического преобразования были посвящены многие работы по философии и методологии права. Большевистская теория права в представлениях ее главного идеолога П. Стучки предполагала упразднение права. П. Стучке и Е. Пашуканису право представлялось классовым и буржуазным феноменом, вынужденно сохранявшим свое действие в переходный период диктатуры пролетариата и служившим конструированию социальных отношений, однако неизбежно отмиравшим в условиях перехода от диктатуры пролетариата к социализму². Выступая против «фетишизма буржуазного права», создатели советской теории права критиковали идею неприкосновенности частных прав. Уже в первых попытках систематизации правоотношений прослеживался приоритет идеологии коллективизма и классовой «солидарности» над гражданско-правовым регулированием³.

Создаваемая в 1920-е гг. советская доктрина права вобрала в себя воззрения ее создателей на цели и средства социальных преобразований. Идеологические конструкции и реальные практики конструирования будущего были тесно переплетены. Взаимосвязь этих феноменов будет прослежена в статье на примере гражданского права, законодательства о социальном обеспечении и о некоммерческих организациях.

Гражданское право: частная инициатива и обуздание рыночной стихии

Наиболее радикальному изменению подверглась сфера гражданского права. Уже 30 ноября 1918 г. рабоче-крестьянское правительство в Положении о народном суде РСФСР ввело полный запрет ссылаться на дореволюционное законодательство. Статьей 22 этого положения судам предписывалось руководствоваться декретами советской власти, а при их отсутствии – социалистическим правосознанием⁴.

При этом устойчивой модели регулирования имущественных отношений в следующие два года не сложилось, а с объявлением нэпа Наркомюст РСФСР начал восстанавливать «старое», дореволюционное гражданское право с некоторыми изъятиями. Нэп базировался на убеждении, что для роста экономики необходимо задействовать основанный на частной инициативе спонтанный порядок, который изначально противостоит организованному порядку административно-командной системы⁵. Здесь возник принципиальный вопрос: можно ли создать такую среду

¹ Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1.

² Стучка П. Культура и право // Революция права. 1928. № 2. С. 20; *Его же*. Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве. М.: Гос. изд-во, 1921; Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм: (опыт критики основных юридических понятий). М.: б. и., 1924.

³ Гойхбарг А. Г. Социальное законодательство советской республики. М.: Изд-во НКЮ, 1919; Пашуканис Е. Б. Марксистская теория права и строительство социализма // Революция права. 1927. № 3. С. 5.

⁴ В прежних декретах использование старых законов допускалось, если по этому вопросу отсутствовал революционный декрет и это не противоречило социалистическому правосознанию.

⁵ Подробнее о соотношении двух порядков см.: Polanyi M. Two kinds of Order // The Libertarian Reader / ed. by David Boaz. N. Y.: Free Press, 1997. P. 225–232.

с помощью «старого» права или необходимо разработать принципиально новое регулирование?

С точки зрения К. Маркса, использование старого права невозможно, так как любые его нормы – инструмент эксплуатации. К примеру, в июне 1920 г. А. Г. Гойхбарг, один из главных специалистов по частному праву в СССР, высказал мысль, что создавать гражданский кодекс не следует. Однако, как справедливо отмечает О. Ю. Шилохвост, Гойхбарг «возражал не столько против Гражданского кодекса как свода правовых норм... сколько против создания этого Кодекса путем переработки „казуистических норм буржуазного права“»¹.

Между тем новой концепции правового регулирования разработано не было. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. в вопросах социалистической трансформации не пошел дальше отдельных оговорок, которые ограничивали сферу применения гражданского права и отдельные правомочия частных лиц по отношению к государству.

А. Г. Гойхбарг объяснял эту ситуацию в статье «Наша экономика и право». Анализируя буржуазное право собственности, правовед заключал, что в передовых странах Европы оно уже давно не является абсолютным и неотъемлемым: «Даже буржуазные юристы говорят уже о собственности как о социальной функции... А у нас... характер собственности, как социальной функции, выступает с бесспорной отчетливостью»². Он отмечал, что и буржуазное законодательство серьезно ограничивает свободу договора: нормы гражданского и особенно корпоративного права все чаще наделяются императивным, а не восполнительным (диспозитивным) характером. Ссылки на актуальные для того времени положения буржуазного права служили для Гойхбарга не объектом критики, а примерами того, как должны регулироваться общественные отношения. Всерьез автор критиковал только устаревшие взгляды XIX в. на ничем не ограниченное право собственности и безусловную свободу договора. Острие его критики было направлено не против гражданского права вообще, а против отдельных старых его доктрин.

Многие нормы ГК РСФСР 1922 г. заключали в себе классические «буржуазные» положения. К примеру, основную идею Кодекса о том, что все гражданские права должны осуществляться в соответствии с их хозяйственным назначением (ст. 1), Гойхбарг расценивал не только как требование социализма, но и как развитие чисто буржуазного принципа добросовестности, определявшего пределы реализации прав. Хозяйственная функция стала своеобразной максимумой всех партикулярных ограничений права собственности, которые встречаются в буржуазных кодексах и специальных законах. Эта формула охватывает недобросовестность, ограничения прав на земельные участки, деликтный критерий повышенной опасности для окружающих и др. Примерно в таком же ключе можно интерпретировать большинство ограничений свободы договора: принудительную ликвидацию юридического лица, защиту слабой стороны договора и защиту публичного интереса.

Уникальные прокоммунистические нормы носили в ГК специальный характер и регулировали отдельные элементы гражданского оборота. К примеру, ограничивать право- и дееспособность сделкой не допускалось (ст. 10), зато это можно было сделать специальным законом или решением суда (ст. 4 и 6). Это положение было снабжено теоретическим аргументом об отсталости понятия правоспособ-

¹ Шилохвост О. Ю. Александр Гойхбарг. Горькая судьба Красного Трибунала: биография создателя первого советского Гражданского кодекса: моногр. М.: Статут, 2020. С. 261.

² Гойхбарг А. Г. Наша экономика и право // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 2.

ности как естественного и неотъемлемого; в период «военного коммунизма» она фактически была отменена властным постановлением¹.

Упомянутый выше принцип хозяйственной функции в европейском праве защищал частное лицо, тогда как в России – государственный строй. Государство при этом не мыслилось как равноправный участник имущественных отношений, из чего вытекала невозможность злоупотреблений с его стороны². При этом послабления для частных лиц были минимальны: к примеру, срок исковой давности мог быть восстановлен по любой уважительной причине (ст. 49), объективная давность отсутствовала.

Современное прочтение ГК РСФСР 1922 г. позволяет заключить, что даже нормы, принципиальные для советского строя периода нэпа, представляли собой не нечто уникальное, а заимствования из зарубежных доктрин того времени. И этот подход оказался достаточно эффективным в рамках имевшихся политических ограничений³. Компромиссный и точечный характер социалистических «оговорок» позволил Кодексу сохранять формальную силу в течение первых пятилеток, Великой Отечественной войны и оттепели вплоть до издания еще более умеренного ГК РСФСР 1964 г.

Социальные гарантии: охрана строя и неравенство

В центре политической программы большевиков было радикальное улучшение жизненных условий трудящихся масс – рабочих и крестьян. Помимо общеорганизационных мер в виде установления диктатуры пролетариата и национализации, в социальной сфере планировались существенные демократические нововведения. Между тем социальная политика большевиков продолжила путь, намеченный еще до революции. Правовое регулирование социальной сферы сочетало государственную монополию на блага и формальное неравенство граждан. Учитывались инфраструктурные ограничения, связанные с нэпом. Конечной целью социальной поддержки советских граждан должно было стать усиление экономической и военной мощи СССР.

В начале XX в. в России и странах Европы социальное обеспечение относилось к сфере частной благотворительности и находилось в руках состоятельных людей и некоммерческих организаций. Резкое изменение этого подхода повлекла за собой Первая мировая война, когда на плечи правительств легла забота о многочисленных жертвах боевых действий. Именно в это время в России были созданы крупные благотворительные организации общественно-государственного плана, такие как Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Союз увечных воинов и др.

По завершении Первой мировой войны правительства воюющих держав продолжали заниматься социальным обеспечением. Юридическая политика либеральных демократий 1920-х гг. (Англия, Франция, Веймарская республика) пред-

¹ *Гоїхбарг А. Г.* Хозяйственное право РСФСР. Т. 1: Гражданский кодекс. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 23.

² Из гражданского оборота в итоге были изъяты земля (ст. 53), железные дороги, водные суда и крупнейшая промышленность (ст. 21–24), установлена государственная внешнеторговая монополия (ст. 17). Менее значимой была оговорка о прекращении юридического лица за несоответствие его деятельности целям, закрепленным в уставе (ст. 18). См.: *Гоїхбарг А. Г.* Хозяйственное право РСФСР. С. 27.

³ Показательно, что после самого глубокого в истории России кризиса, возникшего в результате революции и Гражданской войны, советский ВВП в 1921 г. составлял лишь 37 % от уровня 1913 г., а в период с 1922 по 1928 г. он восстановился до 103 % от того же уровня. См.: *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013.

полагала, что человек может себя обеспечить сам, а поддержка нужна лишь тем, кто испытывает с этим трудности. В РСФСР и СССР, лишенных крупной частной промышленности и финансового сектора, на плечи государства целиком ложились жилищное строительство, социальное страхование, пенсионное обеспечение и здравоохранение. В условиях нэпа, а затем и командно-административной плановой экономики гражданин без обращения к государству не мог получить даже базовые блага, поэтому забота Советского государства о гражданах была функцией, без которой режим не мог существовать.

Это обстоятельство предопределяло зависимость масштаба социальной поддержки от инфраструктурных возможностей правительства. Программу кардинального улучшения жизни рабочих большевики сформировали еще до революции, но первые шаги к ее реализации были сделаны только в Кодексе законов о труде РСФСР (КЗоТ), изданном в декабре 1918 г. Одновременно с этим в РСФСР появилась система государственного социального страхования, построенная на буржуазной основе¹. Каждое предприятие должно было регулярно собирать взносы со своих сотрудников и передавать их в общий фонд социального страхования Наркомтруда. При наступлении нетрудоспособности работника предприятие обращалось в тот же фонд за страховой выплатой. Однако эта система так и не заработала, потому что предприятия и наркомат не могли обеспечить необходимых для страховой деятельности эквивалентов взносов и выплат и добиться удовлетворительной платежной дисциплины. Между тем пособия требовалось выплачивать. Поэтому в 1923 г. эта система была заменена системой прямых бюджетных выплат.

Советское правительство не только создавало новые институты социальной поддержки, но и национализировало уже созданные. Так, учрежденный до революции Георгиевский комитет в 1918 г. был присоединен к Наркомату соцобеспечения, включая бюджет и сотрудников. При этом идеи «национализации» благотворительных организаций высказывались уже Временным правительством, обращавшим внимание на разрозненность и зачастую несистемный характер их деятельности². Эти тенденции социальной политики сохранялись на всем протяжении нэпа.

Начало нэпа совпало с резким ускорением урбанизации. Прибывавшие в города рабочие утрачивали привычные хозяйственные связи и целиком полагались на государственное довольствие. Специализированные учреждения социальной поддержки не предусмотрели подобных объемов миграции и не успевали обеспечить рабочих всем необходимым, поэтому во второй половине 1920-х гг. инициатива перешла непосредственно к советским предприятиям и их отраслевым наркоматам. В отличие от финансирувавшихся по остаточному принципу учреждений соцобеспечения, заводы имели большие экономические ресурсы и могли возвести для своих сотрудников жилье и объекты социальной инфраструктуры.

Таким образом, вопреки принципу централизации социальное обеспечение приобрело ведомственный характер с присущим ему неодинаковым объемом и ассортиментом благ. Более престижные отрасли и предприятия обеспечивали лучшее снабжение, а наиболее высокий уровень сервиса получали представители высшей советской бюрократии. Общедоступные же каналы снабжения в этой системе обслуживали наименее привилегированные социальные группы, и потому качество услуг было низким.

¹ Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся».

² Цит. по: Хоффман Д. Указ. соч. С. 45. Подробнее см.: Туманова А. С., Соловьев К. А. Временное правительство и либеральная общественность как акторы публичного пространства весны 1917 г. // Cahiers du Monde Russe. 2019. Т. 60. № 4. С. 692.

Политика по отношению к профсоюзам и иным добровольным организациям

Весьма необычную роль в СССР приобрели профсоюзы. Наступление социализма поставило перед профсоюзным движением новые задачи. Они были законодательно установлены на I Всероссийском съезде профессиональных союзов в январе 1918 г. и получили расширенную трактовку на профсоюзных съездах в январе 1919 г. и апреле 1920 г. Профсоюзы были объявлены официальными органами государственной власти и призваны организовывать промышленных рабочих для выполнения государственных задач. Главной их функцией в условиях развала производства в период Гражданской войны было его возрождение¹.

Стремление профсоюзов к независимости и автономии от государственной власти потерпело, таким образом, окончательное поражение в 1918–1920 гг., что и предопределило роль профсоюзов в последующем социалистическом строительстве. Не отстаивая интересы работников в спорах с работодателем (что было свойственно классическим западноевропейским профсоюзам), советские профсоюзы начали выполнять функцию распределения социальной помощи, которая довольно быстро стала для них основной. В итоге уже в 1920-е гг. профсоюзы стали «школой коммунизма» и, по меткому выражению Д. Коенкер, «учебным полем для организационной практики вместо того, чтобы быть подлинными представителями рабочих интересов»².

Положение добровольных некоммерческих организаций в коммунистическом дискурсе было тождественно положению профсоюзов. К активно формировавшемуся в дореволюционные годы гражданскому обществу советская власть применила дифференцированный классовый подход. Поначалу он выразался в формуле: «Контрреволюцию – отсекай, культурно-буржуазный аппарат – использовать»³.

В январе 1918 г. были распущены такие авторитетные дореволюционные организации, как Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов. Главный комитет ВЗС призвал в ноябре 1917 г. к борьбе с советской властью. Земский союз был распущен декретом большевистского правительства – Совета народных комиссаров (СНК) – 4 января 1918 г., в канун созыва Учредительного собрания. Предписанием НКВД от 24 января 1918 г. были упразднены органы земского и городского самоуправления. Подлежали роспуску органы самоуправления, выступавшие против советской власти; учреждения же, признавшие новую власть, должны были «слиться» с Советами. Уничтожая земства, большевики решали ряд задач: они ликвидировали институты гражданского самоуправления, встраивали региональные институты в единую систему принятия решений, а также стремились добиться предельной централизации управления и управленческих коммуникаций⁴.

Ликвидация добровольных обществ происходила и под нажимом массовых советских организаций. Так, решение о роспуске скаутских организаций как буржуазных, закладывавших буржуазные принципы физического и психического воспитания, было принято 2-м съездом Российского коммунистического союза молодежи в октябре 1919 г.⁵ Скаутские организации и отряды, а также частные

¹ Коенкер Д. П. Профессиональные союзы // *Актон Э., Розенберг У. Г., Черняев В. Ю.* Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 400–401.

² Там же. С. 404.

³ Коржихина Т. П. Советская власть и общественные организации в 1917–1918 годах // *Общественные организации в политической системе России. 1917–1918 годы: материалы конф.* / под общ. ред. П. В. Волобуева. М.; Тверь: ТГУ, 1991. С. 83.

⁴ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 232.

⁵ Известия ВЦИК. 1919. 9 окт.; Вечерние известия. 1919. 7 окт.

спортивные общества были реорганизованы, их члены «вливать» в спортклубы, где не только велись занятия с допризывниками, но и осуществлялась усиленная идеологическая работа¹.

Действия организаций приостанавливались также на основании решений советских учреждений. Так, Народный комиссариат юстиции в августе 1918 г. объявил о ликвидации религиозных и благотворительных обществ, а также о передаче их имущества Советам². Согласно декрету от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» религиозные организации стали рассматриваться государством как частные объединения, лишённые имущества и капиталов.

Самороспуск или прекращение деятельности обществ и союзов происходили по идеологическим мотивам, в силу экономических причин, в связи с изменениями условий жизни и др. Отдельные организации прекращали существование вследствие того, что их основополагающая функция переходила к государству. Примером здесь является Всероссийская лига борьбы с туберкулезом. Потребность в такой организации отпала, так как в советской системе здравоохранения появились туберкулезные диспансеры.

О положении добровольных обществ красноречиво свидетельствует статистика. Из 500 обществ, которые значились в дореволюционных справочных книгах и адрес-календарях Петрограда, к 1920 г. в городе действовало лишь 50³. В 1920-е гг. наблюдался определенный прирост общественных организаций Ленинграда: в 1925 г. их действовало 110, а в 1929 г. – уже 150. Между тем к 1930 г. их число вновь сократилось до 110, а к 1937 г. – до 50⁴.

Выражением курса на усиление государственного контроля над добровольными обществами стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними» (ст. 622, 623). Постановление регламентировало все стороны создания и деятельности добровольных обществ, устанавливало их обязательную регистрацию в НКВД либо его местных органах. Общества и союзы, не зарегистрировавшиеся в двухнедельный срок с момента опубликования данного постановления, объявлялись закрытыми. Постановление определяло также порядок надзора за обществами и союзами со стороны НКВД РСФСР.

Действовавший с августа 1922 г. правовой режим создания обществ именовался регистрационным, однако фактически он был разрешительным. Понятие регистрации трактовалось в контексте законодательства 1922 г. как соответствующее разрешение властей. На утверждение устава и регистрацию могли рассчитывать далеко не все организации, заявившие о своем создании. Регистрация того или иного общества НКВД или отказ в ней становились составной частью процедуры селекции обществ по социальным, политическим и идеологическим мотивам⁵.

¹ Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.) / под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Грамота, 2017. С. 71.

² Брэдли Дж. Добровольные общества в советской России. 1917–1932 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1994. № 4. С. 35; Купайгородская А. П., Лебина Н. Б. Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917–1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917–1937 гг.: сб. ст. / отв. ред. А. П. Купайгородская. Л.: Наука, 1989. С. 8.

³ Брэдли Дж. Указ. соч. С. 35.

⁴ Купайгородская А. П., Лебина Н. Б. Указ. соч. С. 10, 13, 14.

⁵ Киселева Н. В. Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 1998. С. 39–40.

Заключение

Патерналистские подходы советского правительства к модернизации общественных институтов не были «продуктом» Октябрьской революции 1917 г. Идеи государственного вмешательства в жизнь общества уходят корнями в раннее Новое время. Приход к власти большевиков заметно изменил вектор преобразований, однако сохранил многие традиционные принципы и идеи.

Сходство с дореволюционным этапом было наиболее заметным в тех областях, где государство до революции не играло активной роли: в гражданских правоотношениях, социальном обеспечении и юридической политике по отношению к публичной сфере. Так, в сфере гражданского права в 1920-е гг. велись поиски баланса между усилением государственного вмешательства и активизацией частной инициативы. Инструментом для достижения этого баланса стало широкое использование отечественного правового наследия и новейших европейских юридических доктрин.

Разработчик ГК РСФСР 1922 г. А. Г. Гойхбарг всецело опирался на последние достижения буржуазной цивилистики и с некоторыми изъятиями использовал ее доктрины в советском праве. Об этом с очевидностью свидетельствует, во-первых, наличие в Кодексе традиционных институтов собственности, иных вещных прав и общих положений обязательственного права. Такие социалистические новеллы гражданского законодательства, как социально-хозяйственная функция и императивные положения договорного права, на деле представляли собой адаптацию актуальных зарубежных доктрин. Уникальными были отдельные специальные нормы Кодекса, которые проводили идею о том, что каждое возможное злоупотребление гражданскими правами должно быть «уравновешено» аналогичной привилегией государства.

Большим своеобразием отличалась советская юридическая политика в области социального обеспечения. Одной из главных ее целей стало усиление военной и экономической мощи государства. Это создавало условия для неравного доступа граждан к экономическим благам, так как значимой представлялась лишь забота о большинстве, но не о каждом человеке в отдельности. Свойственным только СССР стал безальтернативный характер социального обеспечения. Если в либеральных демократиях гражданин обычно мог обеспечить себя без непосредственного участия государства, то в России на плечи государства ложилось распределение даже базовых благ между всеми гражданами. Достаточный уровень снабжения при этом не мог быть достигнут из-за инфраструктурных ограничений, и решение проблемы было найдено в передаче этих функций от специальных учреждений всем крупным предприятиям. Советские заводы не только давали рабочие места, но и строили жилье, раздавали продукты и непродовольственные товары своим рабочим.

Существенные изменения претерпели взаимоотношения государства и общественных организаций. Вместо представительства интересов своих членов перед государством и удовлетворения потребностей на началах самоорганизации общественные организации в СССР стали выполнять функции, типичные для государственных органов. Одни организации национализировались, другие под давлением власти были вынуждены самораспуститься.

В целом эти реформы имели неоднозначные результаты. С одной стороны, сужалась сфера рыночных отношений и рыночных средств регулирования, ставились препятствия для развития частной инициативы, предпринимательства и общественной самоорганизации. С другой стороны, во многом благодаря государственному вмешательству была создана развитая социальная сфера, включа-

ющая систему пенсионного обеспечения, здравоохранения, охраны материнства и детства. Общим знаменателем перечисленных реформ было стремление к материальному прогрессу на основании усиления государственного вмешательства в частную и публичную сферы, а также потребность опираться на традиционные социальные институты.

Список литературы

Брэдли Дж. Добровольные общества в советской России. 1917–1932 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1994. № 4. С. 34–44.

Гойхбарг А. Г. Наша экономика и право // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 1–4.

Гойхбарг А. Г. Социальное законодательство советской республики. М.: Изд-во НКЮ, 1919. 63 с.

Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. 1: Гражданский кодекс. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 214 с.

Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.) / под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Грамота, 2017. 723 с.

Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988. 227 с.

Киселева Н. В. Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 1998. 210 с.

Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства: 1800–1850-е гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 60 с.

Коенкер Д. П. Профессиональные союзы // *Актон Э., Розенберг У. Г., Черняев В. Ю.* Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 396–406.

Коржухина Т. П. Советская власть и общественные организации в 1917–1918 годах // Общественные организации в политической системе России. 1917–1918 годы: материалы конф. / под общ. ред. П. В. Волобуева. М.; Тверь: ТГУ, 1991. С. 81–90.

Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеины / ред. А. Ю. Арьев. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. 413 с.

Купайгородская А. П., Лебина Н. Б. Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917–1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917–1937 гг.: сб. ст. / отв. ред. А. П. Купайгородская. Л.: Наука, 1989. С. 5–16.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академ. проект, 2010. 775 с.

Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 689 с.

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 655 с.

Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. М.: Инфра-М : Норма, 1997. 647 с.

Пащуканис Е. Б. Марксистская теория права и строительство социализма // Революция права. 1927. № 3. С. 3–12.

Пащуканис Е. Общая теория права и марксизм: опыт критики основных юридических понятий. М.: б. и., 1924. 160 с.

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самар. ун-т, 2000. 331 с.

Стучка П. И. Культура и право // Революция права. 1928. № 2. С. 15–20.

Стучка П. Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве. М.: Гос. изд-во, 1921. 125 с.

Туманова А. С., Соловьев К. А. Временное правительство и либеральная общественность как акторы публичного пространства весны 1917 г. // Cahiers du Monde Russe. 2019. Т. 60. № 4. С. 683–706.

Холквист П. Общество против государства, общество, сплачивающее государство: Образованное общество и государственная власть в России в 1914–1921 гг. // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Вып. 11: Смена парадигмы: современная русистика. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 248–264.

Хоффман Д. Л. Возращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939. / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 422 с.

Шилохвост О. Ю. Александр Гойхбарг. Горькая судьба Красного Трибунала: биография создателя первого советского Гражданского кодекса: монография. М.: Статут, 2020. 626 с.

Holquist P. «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. 2010. Vol. 69. № 1. P. 151–179. DOI: 10.1017/S0037677900016739.

Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge; L.: Harvard University Press, 2002. 359 p.

Polanyi M. Two kinds of Order // The Libertarian Reader / ed. by D. Boaz. N. Y.: Free Press, 1997. P. 225–232.

UDC 340

DOI: 10.34076/20713797_2022_3_151

CONTINUITY OF LEGAL MECHANISMS OF SOCIAL INSTITUTIONS MODERNIZATION IN SOVIET RUSSIA IN 1917–1929

Tumanova Anastasia – professor, National Research University «Higher School of Economics» (Moscow), doctor of legal sciences, doctor of historical sciences, ORCID: 0000-0003-3469-7144, e-mail: atumanova@hse.ru.

Bogatyrev Georgy – post-graduate, National Research University «Higher School of Economics», adviser, Bank of Russia (Moscow), ORCID: 0000-0003-2553-3092, e-mail: gtbogatyrev@gmail.com.

The reforms of the Soviet government are traditionally considered in science as a radical social experiment. However, the content and methods of social transformation proposed by the Soviet authorities were not unique. The Soviet modernization project in a number of areas was a continuation of imperial modernization. The similarity with the pre-revolutionary stage was most noticeable in those areas where the state did not play an active role before the revolution: civil legal relations, social security, and legal policy towards the public sphere. In the 1920s a balance between strengthening state intervention and activating private initiative was being sought in the field of civil law. The instrument for achieving this balance was the widespread use of the domestic legal heritage and the latest European legal doctrines. Largely due to the state intervention a progressive system of pensions, healthcare, maternity and childhood protection, etc was formed in Soviet Russia. Social security became one of the key functions of the state. The Soviet government returned to the permissive regime for the creation of voluntary societies, which had been in effect until 1906. The relative freedom and independence of the voluntary societies had been replaced by a growing regulation of all aspects of their life after

the October Revolution of 1917; the government endeavoured to involve the voluntary societies as much as possible in the implementation of socialist construction plans. The results of these reforms were mixed. The sphere of market relations was narrowed and the development of private initiative and the possibilities of social self-organization were obstructed; however, the Soviet government made noticeable efforts to create a developed social sphere. The common denominator of the reforms was the desire for material progress, based on the increased state intervention in the private and public spheres, as well as the need to rely on traditional social institutions.

Key words: Soviet social modernization, legal mechanisms, civil law, social security, non-governmental organizations.

For citation: Tumanova A., Bogatyrev G. (2022) Continuity of legal mechanisms of social institutions modernization in Soviet Russia in 1917–1929. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 151–165, DOI: 10.34076/20713797_2022_3_151.

References

Bradley J. (1994) Dobvol'nye obshchestva v sovetskoi Rossii. 1917–1932 gg. [Voluntary societies in Soviet Russia. 1917–1932]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 8: Istoriya*, no. 4, pp. 34–44.

Dyakin V. S. (1988) *Burzhuziia, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg.: razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy* [Bourgeoisie, nobility and Tsarism in 1911–1914: Decomposition of the Third June system]. Leningrad, Nauka, 227 p.

Goikhbarg A. G. (1919) *Sotsial'noe zakonodatel'stvo sovetskoi respubliki* [Social legislation of the Soviet Republic]. Moscow, Izdatel'stvo NKYu, 63 p.

Goikhbarg A. G. (1922) *Nasha ekonomika i pravo* [Our economy and law]. In *Ezhenedel'nik Sovetskoi Yustitsii*, no. 19–20, pp. 1–4.

Goikhbarg A. G. (1923) *Khozyaistvennoe pravo R.S.F.S.R. Vol. 1: Grazhdanskii kodeks* [Economic law of RSFSR. Vol. 1: Civil Code]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 214 p.

Hoffman D. L. (2018) *Vzrashchivanie mass: modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939* [Nurturing the masses: the modern state and Soviet socialism. 1914–1939], transl. from Eng. by A. Tereshchenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 422 p.

Holquist P. (2002) *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, London, Harvard University Press, 359 p.

Holquist P. (2007) Obshchestvo protiv gosudarstva, obshchestvo, splachivayushchee gosudarstvo: Obrazovannoe obshchestvo i gosudarstvennaya vlast' v Rossii v 1914–1921 gg. [Society against the State, society uniting the State: an educated society and state power in Russia in 1914–1921]. In *Nestor: Zhurnal istorii i ku'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. Iss. 11: Smena paradigmy: sovremennaya rusistika*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 248–266.

Holquist P. (2010) «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration. In *Slavic Review*, vol. 69, no. 1, pp. 151–179, DOI: 10.1017/S0037677900016739.

Kiseleva N. V. (1998) *Vozniknovenie sovetskogo fenomena massovykh dobrovol'nykh obshchestv* [The emergence of the Soviet phenomenon of mass voluntary societies]. Rostov-on-don, Rostovskii gosudarstvennyi universitet, 210 p.

Kodan S. V. (2004) *Yuridicheskaya politika Rossiiskogo gosudarstva: 1800–1850-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The legal policy of the Russian state: the 1800–1850s: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 60 p.

Koenker D. P. (2014) Professional'nye soyuzы [Trade unions]. In Akton E., Rozenberg U. G., Chernyaev V. Yu. (Eds.) *Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii: 1914–1921*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 396–406.

Korzhikhina T. P. (1991) Sovetskaya vlast' i obshchestvennye organizatsii v 1917–1918 godakh [Soviet power and public organizations in 1917–1918]. In Volobueva P. V. (Ed.) *Obshches-*

tvennyye organizatsii v politicheskoi sisteme Rossii. 1917–1918 gody. Moscow, Tver, TGU, pp. 81–90.

Krivoshein K. A. (2002) A. V. Krivoshein (1857–1921). Ego znachenie v istorii Rossii nachala XX v. [A. V. Krivoshein (1857–1921). Its significance in the history of Russia at the beginning of the XX century]. In Ar'ev A. Yu. (Ed.) *Sud'ba veka. Krivosheiny.* St. Petersburg, Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 413 p.

Kupaigorodskaya A. P., Leбина N. B. (1989) Dobrovol'nye obshchestva Petrograda-Leningrada v 1917–1937 gg. (tendentsii razvitiya) [Voluntary societies of Petrograd-Leningrad in 1917–1937 (development trends)]. In Kupaigorodskaya A. P. (Ed.) *Dobrovol'nye obshchestva v Petrograde-Leningrade v 1917–1937 gg.* Leningrad, Nauka, pp. 5–16.

Markevich A., Kharrison M. (2013) *Pervaya mirovaya voina, Grazhdanskaya voina i vostanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* [The First World War, Civil War and restoration: the national income of Russia in 1913–1928]. Moscow, Mysl', 111 p.

Marks K., Engel's F. (1957) K kritike gegelevskoi filosofii prava [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. In Marx K., Engels F. *Sochineniya: in 30 vols.* 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat, vol. 1, 689 p.

Marx K. (2010) *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty* [Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow, Akademicheskii proekt, 775 p.

Medushevskii A. N. (2017) *Politicheskaya istoriya russkoi revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noi mobilizatsii v XX veke* [Political history of the Russian Revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the 20th century]. Moscow, St. Petersburg, Tsentrum humanitarnykh initsiativ, 655 p.

Mironov B. N. (2019) *Rossiiskaya modernizatsiya i revolyutsiya* [Russian modernization and revolution]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 528 p.

Nersesyants V. S. (1997) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Infra-M : Norma, 647 p.

Pashukanis E. (1924) *Obshchaya teoriya prava i marksizm: opyt kritiki osnovnykh yuridicheskikh ponyatii* [General theory of law and Marxism: experience of criticism of basic legal concepts]. Moscow, s. n., 160 p.

Pashukanis E. B. (1927) Marksistskaya teoriya prava i stroitel'stvo sotsializma [Marxist theory of law and the construction of socialism]. In *Revolutsiya prava*, no. 3, pp. 3–12.

Polanyi M. (1997). Two kinds of order. In Boaz D. (Ed.) *The libertarian reader.* New York, Free Press, pp. 225–232.

Raev M. (2000) Regul'yarnoe politseiskoe gosudarstvo i ponyatie modernizma v Evrope XVII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podkhoda k problem [The regular police state and the concept of Modernism in Europe of the XVII– XVIII centuries: an attempt at a comparative approach to the problem]. In Devid-Foks M. (Ed.) *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period.* Samara, Samarskii universitet, 331 p.

Shilokhvost O. Yu. (2020) *Aleksandr Goikhbarg. Gor'kaya sud'ba Krasnogo Triboniana: biografiya sozdatelya pervogo sovetskogo Grazhdanskogo kodeksa* [Alexander Goikhbarg. The bitter fate of the Red Tribonian: biography of the creator of the first Soviet Civil Code]. Moscow, Statut, 626 p.

Slezin A. A. (2017) *Detskoe dvizhenie v Tambovskom krae (1914–1945 gg.)* [The children's movement in the Tambov Region (1914–1945)]. Tambov, Gramota, 723 p.

Stuchka P. (1921) *Revolutsionnaya rol' prava i gosudarstva: obshchee uchenie o prave i gosudarstve* [The revolutionary role of law and the state: the general doctrine of law and the state]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 125 p.

Stuchka P. I. (1928) Kul'tura i pravo [Culture and law]. In *Revolutsiya prava*, no. 2, pp. 15–20.

Tumanova A. S., Solov'ev K. A. (2019) Vremennoe pravitel'stvo i liberal'naya obshchestvennost' kak aktory publichnogo prostranstva vesny 1917 g. [The Provisional government and the liberal public as actors of the public space in the spring of 1917]. In *Cahiers du Monde Russe*, vol. 60, no. 4, pp. 683–706.